

Из древнерусской ономастики: *Симарьгль / Семарьгль и хинова*

М. А. ЮЮКИН

ул. Моисеева, д. 47, кв. 55, RU-394055 Воронеж
E-mail: yuyukin@bk.ru

(Received: 26 January 2015; accepted: 17 March 2015)

Abstract: The author suggests new etymologies for two well-known Old Russian proper names. The god name of *Simarīglŭ / Semarīglŭ* is loaned from East Iranian (Scytho-Sarmatian) of the Alanic Caucasian period and corresponds to Ossetic *xī/xē* ‘oneself’ and *maræg* ‘murderer; killing’, *xemaræg* ‘suicide (person)’ and the Russian participle suffix *-l-*. The motive of god’s suicide is extended in mythology, including the Nart epic. The ethnonym *Khinova* mentioned in “The Tale of Igor’s campaign” is of Baltic origin and comes from IE **skū-n-* ‘asylum, shelter; shield, etc.’ and the suffix *-ava/-uva*, very frequent in the Baltic ethnonyms.

Keywords: Old Russian, Iranian languages, Baltic languages, theonym, ethnonym

Симарьгль – имя одного из шести божеств общерусского языческого пантеона, попытку создания которого предпринял в 980 г. киевский князь Владимир Святославич: «И нача княжити Володимерь въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь» (Лаврентьевская летопись, ПВЛ 1: 56). В более поздних летописях содержатся (везде в форме винительного падежа) формы *Семарьгль* (Радзивиловская, начало XIII в., списки с XV в.), *Сѣмаргль* (Софийская первая, XV в.), *Симанрьгль* (Патриаршая, или Никоновская, вторая половина XVI в.).

Теоним *Симарьгль* не имеет убедительной этимологии. С фонетической точки зрения маловероятны его сопоставления с этимологически тождественными друг другу названиями иранских мифических существ *Симурз* (Р. Якобсон) и *Сэнмурв* (К. В. Тревер и др.): последние восходят к авест. *mərəuō sā-eno* (Лелеков 1994: 436–437); а так как *ə* в авестийском «представлял собой звук типа русского редуцированного *ь*» (РАСТОРГУЕВА 1979: 139), то непонятно, каким образом ему на русской почве могли соответствовать *а* и *ь*. Предполагается, что этот мифоним заимствован в осетинско-аланской огласовке (осет. *marǧ* ‘птица’) (Зализняк 1962: 44), однако вокализм этой формы все равно не вполне соответствует основе *-марьг-*, тем более что в сложных словах *marǧ* выступает в формах *mærgǧ*, *mælgǧ* (см. АБАЕВ 2: 73), напоминающих о происхождении этого гласного. Кроме того, нет данных, свидетельствующих о бытовании этого образа авестийской мифологии у предков осетин. Следует также отметить чуждость образа *Симурга* и восточнославянской мифопоэтической традиции, на которую, принимая эту этимологию, все же

обращает внимание В. Н. Топоров: «Этот очень иранский мифопоэтический образ, весьма популярный и вместе с тем претендующий на особую интимность, строго говоря, не имел никакой опоры ни в киевском пантеоне, не знавшем териоморфных и гибридных по своей природе божеств, ни в фольклорных и демонологических образах, известных восточным славянам» (ТОПОРОВ 1989: 27–28). Едва ли летописец, отметивший такие подробности, как золотые усы и серебряная борода статуи Перуна, мог бы оставить без внимания столь удивительное для сознания русского человека обстоятельство, как териоморфные черты в облике одного из богов. Еще более проблематично возведение теонима к слав. **Sedmor(o)-golvъ* ‘Семиглав’ (ИВАНОВ–ТОПОРОВ 1994: 424–425): вряд ли исконно славянское этимологически прозрачное название могло так сильно исказиться на русской почве уже в ранний период истории древнерусского языка в условиях, когда это преобразование не было мотивировано никакими регулярными фонетическими закономерностями. Старший характер упоминаний *Симарьгль*, *Семарьгль* не позволяет согласиться и с реконструкцией А. А. Шахматовым формы **Сѣмарьгла* (близкой к форме, приводимой в Софийской первой летописи), которую М. Фасмер сопоставляет с латыш. *saims*, *saimu vīrs* ‘исполин, могучее существо’, *seime* ‘великан’.

Есть и более экзотические гипотезы – из латинского, древнееврейского, греческо-египетского; от корней, представленных в словах *семья* и *рѣжь* (см. ФАСМЕР 3: 622). К. Т. Витчак счел этот теоним слитным написанием двух имен – *Симъ* и *Ръгль* (вопреки свидетельствам с *-ръгл-*!), ссылаясь на такое упоминание в памятнике древнерусской письменности домонгольской поры «Слово некоего христороубца и ревнителя по правой вере» (ср. Витчак 1994), наиболее ранние списки которого датируются концом XIV – началом XV вв. Однако реалистичнее видеть здесь лишь позднейшее (по отношению ко времени, когда возник этот оним), весьма типичное искажение ставшего к той поре непонятным названия, ср. аналогично, например, написания «Гавка, Путаш(ъ, ъ)» в перечне рек Каянской земли (Софийская первая и Воскресенская летописи под 1496 г.), представляющие собой ошибочное разделение на два слова сложного финского гидронима *Haukapudas* (см. Ююкин 2015). Следует добавить, что исследователь этого памятника Е. В. Аничков считал перечни языческих богов в нем позднейшей вставкой (см. Аничков 1914: 40 и сл.).

По нашему мнению, теоним *Симарьгль* является восточноиранским (скифо-сарматским) заимствованием алано-кавказского периода и состоит из следующих сегментов:

1. *Си-/Се-*: ср. осет. *хї/хе* ‘себя’ (Ген.-Асс.), также первый компонент многих сложных слов (см. АБАЕВ 4: 196), дигор. *хе* ‘1. себя, свой, также для выражения возвратного залога глагола; 2. собственный, личный’ (ТАКАЗОВ 2003: 584), восходящее к праир. [**h(u)ца-* : **hu-* :] **hцаi-* (< и.-е. [**s(e)це* : **s(e)цо* :] *s(u)цоi* или **sцоi*) (см. ЭСИЯ 3: 422 и сл.), которое относят к числу наиболее употребительных праиранских дейктических основ (см. ЭДЕЛЬМАН 2002: 148).

2. Основа *марьг-* соответствует осет. *maræg* ‘убийца’, представляющему собой лексикализованное причастие от *marun* ‘убивать’ (АБАЕВ 2: 70); дигор. *maræg* ‘убийца; убивающий’ (ТАКАЗОВ 2003: 362). Ср. скиф. **os-marak* ‘женоубийца’ в имени *Ἰσμάρακος* (АБАЕВ 2: 70). Не вызывает сомнений закономерный характер соотношения осет. *æ* : др.-рус. *ь*, поскольку гласный *æ* является слабым, восходящим к исторически краткому, а «слабые, в отличие от сильных, менее устойчивы, легче подвергаются различным изменениям (редукции, исчезновению, стяжению)» (ИСАЕВ 1999: 313). Эта черта языка-источника наложилась на такую особенность древнерусского языка, как тенденция к сокращению долготы безударного гласного в середине многосложного слова, отразившаяся в таких написаниях, как *Полѣтескъ* и даже *Полтескъ* (при этимологически правильном *Полочьскъ/Полотьскъ* < праслав. **pol-t-*) (см. ЮЮКИН 2003: 94), *Святъславъ* (в т. ч. в «Слове о полку Игореве»), *наворзи* (вместо *наворози*) в «Слове» (ВИНОГРАДОВА 4: 53) и др. Еще А. И. Соболевский отмечал, что «великорусские говоры вообще склонны к опущению в середине слов неударных гласных» (СОБОЛЕВСКИЙ 1907: 98). Относительно хронологии перехода *a* > *æ* целесообразно привести замечание В. И. Абаева, касающееся еще более ранней эпохи: «единичные случаи передачи скифского *a* через *ε* или *αι* указывают, быть может, на наметившееся продвижение краткого *a* в сторону *e*, как в осетинском» (РАСТОРГУЕВА 1979: 323).

3. Суффикс причастия *-l-* на русской почве, калькирующий принадлежность аланской основы к этой части речи.

Таким образом, теоним *Симарьгль/Семарьгль* осмысливается как ‘себя убивающий’, ср. осет. *xī marun* ‘кончать с собой’ (АБАЕВ 4: 75), дигор. *xemaraeg* ‘самоубийца’ (ТАКАЗОВ 2003: 585), др.-перс. *^huvā-maršiyav-* ‘себя убивающий’ (ВАРНОЛОМАЕ 1904: 1854), а также сходные по структуре древнеиранские имена собственные: *Huwaχšatara* (др.-перс.), *Xwādaēna*, *Xwadhāta*, *Xwafnām*, *Xwāherzādeh*, *Xwājagī*, *Xwājazadeh*, *Xwāχschapra* (JUSTI 1895: 140, 181), и представляет собой, собственно, не имя, а эпитет бога (подобно другому теонимическому иранизму – известному *Хърсь* : осет. *xorz* ‘добрый, хороший’, ср. современное употребление этого слова в качестве эпитета святого Георгия, см. АБАЕВ 1949).¹ Особо следует подчеркнуть наличие соответствующих форм в дигорском диалекте осетинского языка, который характеризуется исследователями как архаичный, во многом сохранивший черты аланского языка.

Мотив самоубийства бога (героя) широко распространен в мифологиях народов мира: греческой (Геракл, Аттис, жрец Диониса Корес), финикийской (Эшмун, Мелькарт, Элисса, братья Филены), индийской (Сати), древнекитайской (герой-богатырь Но-чжа, божество реки Ло Ло-шень, бог приливов У Цзысуй), германской (Один), восточнославянской (Дунай), финно-угорской (Куллерво в «Калевале»).

¹ По другой, менее убедительной в фонетическом отношении версии, этот теоним происходит из алан. **xor-(æ)xsed* ‘восходящее солнце’.

Х. Л. Борхес относит этот мотив к числу четырех мотивов, лежащих, по его мнению, в основе всех сюжетов (БОРХЕС 1992: 84–85).

Мотив самоубийства мифологического персонажа неоднократно встречается и в нартском эпосе, проливая свет на непосредственную историко-культурную основу нашей этимологии: «Когда нарты услышали весть о Сослане, снарядили к нему подводы на пружинном ходу, сложили ему такую хорошую могилу, что Сослан, восхищенный ею, живым вошел в нее» (Нарты 1989: 165); «И каждый стал копать себе могилу. И начали бросаться в них. Так пришла гибель нартов» (Нарты 1989: 487).

Предложенная этимология полностью согласуется с данными о происхождении древнерусской теонимии, накопленными наукой к настоящему времени: так, выше уже упоминались аланские истоки имени *Хърсь*; теоним *Сварогъ*, известный из Ипатьевской летописи (под 1114 г.), также убедительно сопоставляется с фактами индоиранских языков.

* * *

В «Слове о полку Игореве» трижды упоминается этноним *хинова*, не известный из других источников (за исключением «Задонщины», где он, как и многое другое, вероятно, заимствован из «Слова»): «Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣроста, оба багряная стѣпа погастоста, и съ нима молодая мѣсяца – Олегъ и Святъславъ – тъмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста хинови» (Слово 1950: 20); «Тѣми тресну земля, и многы страны – Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тьи мечи харалужныи» (Слово 1950: 23); «О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычещи хиновскыя стрѣлки на моя лады вои?» (Слово 1950: 27).

Относительно этнического содержания и происхождения этого названия было сделано много предположений, однако ни одно из них не получило безусловного признания. Подробные обзоры существующих гипотез были сделаны В. Л. Виноградовой в «Словаре-справочнике „Слово о полку Игореве“» и О. В. Твороговым в «Энциклопедии „Слово о полку Игореве“» (см. Виноградова 1965–1984, Творогов 1995).

По законам славянских языков форма *хинова* не может быть исконной, поэтому предполагается, что она восходит к более раннему **хынова* (К. Г. Менгес). Написания с отражением смягчения сочетаний *гы*, *кы*, *хы* совсем не редкость в «Слове», ср. «своими желѣзными плѣки», «отворяеши Киеву врата», «съ черниговскими былями», «дебрь Кияня», «трубы трубять городеньскийи», «до Немиги» и др. Некоторые видят в ней искажение якобы исконной формы мн. ч. *хиновѣ*, однако последняя отмечена только в позднейшей «Задонщине», тогда как «Слово» приводит форму *хинова* в т. ч. в им. п., что, на наш взгляд, не дает оснований для сомнений в ее правильности. Какой же народ носит в «Слове» имя *хинова* и каково происхождение этого этнонима?

Если взглянуть на название *хинова* в контексте структурно-словообразовательных закономерностей древнерусской этнонимии, становится очевидно, что в нем едва ли стоит видеть обозначение гуннов, половцев или иных степных кочевников (направление поисков, наиболее популярное среди исследователей): для древнерусского языка не характерны собирательные названия тюркских народов или иных южных соседей Руси; нам не удалось обнаружить ни одного такого примера, ср. *берендѣи, тѣрци, ковуи, касоги*, список тюркских племен в самом «Слове» и многие другие. В то же время большинство древнерусских названий балтийских и финно-угорских народов, напротив, относится именно к этой словообразовательной модели, ср. *лит(ъ)ва, жмудь, зимигола/зимѣгола; корѣла, чудь, ѣмь* и др. Давно было предложено видеть в *хинове* финнов (Вс. Ф. Миллер), однако, хотя эта гипотеза является удовлетворительной в фонетическом отношении (более того, название *Хинская/Химская земля* ‘Финляндия’ прямо засвидетельствовано в русском фольклоре), она не согласуется с контекстом упоминания этого названия: вряд ли поражение Игоря могло «подать буйство» далеким от арены этих событий финнам. Неубедительны и многочисленные попытки возвести этноним *хинова* к названию *гуннов*, понимаемому, в соответствии со средневековой традицией, как обозначение венгров: во-первых, причисление Венгрии, одной из сильнейших европейских держав того времени, к числу покоренных Русью стран не соответствовало бы исторической реальности; во-вторых, венгры названы в «Слове» традиционным для древнерусского языка именем *уз(ъ)ре* («горы Угорские»).

Сложность в объяснение названия *хинова* вносит явная противоречивость употребления этого этнонима: с одной стороны, в перечне народов, победенных русскими князьями, упоминаются как *хинова*, так и половцы, следовательно, автор подразумевает под этими названиями разные народы; с другой стороны, «хиновские стрѣлки» в плаче Ярославны нельзя понять иначе как «половецкие». Вероятно, для второго из этих упоминаний справедливо мнение, что здесь мы имеем дело с нарицательным употреблением этнонима для обозначения враждебного или языческого народа вообще, подобно позднему *басурман, басурманский*. Развитию такого значения могла способствовать созвучность слова *хинова* со слав. **xuniti* ‘обманывать, притворяться; хулить, осуждать’.

Обращает на себя внимание сходство финали *-ова* названия *хинова* и многочисленных балтийских этнонимов с суффиксом *-ava/-uva*: из европейских хроник и древнерусских летописей известны названия *Lietuvà > Лит(ъ)ва, Latuvà > Лот(ъ)ва, Dainavà* (одно из ятвяжских племен) (Отремьский 1963: 3–6), *норова (нерома)*; Петр из Дусбурга (первая треть XIV в.) в числе 11 прусских земель упоминает *Lubovia (Lubaw), Nadrovia, Scalowia, Sudovia (Sudowite, Sudawa)* (Топоров 2006: 51). Пониманию *хиновы* как названия балтийского племени соответствует и тот факт, что она открывает список народов, в котором за ней следуют подряд три балтийских этнонима (*литва, ятвязи, деремела*).

Основа этнонима восходит к и.-е. **skū-n-* (< **(s)keu-*, **(s)keuə-*, **(s)kū-* ‘покрывать’), выражающему идею защиты, укрепленности: др.-инд. *skunāti*, *skunóti* ‘покрывать’, греч. *σκύνια* мн. ч. ‘брови’ (ср. LIDDELL–SCOTT 1940: ‘веки’), с.-в.-н. *schiuue*, н.-в.-н. *Scheune* ‘сарай, амбар’ (первоначальное значение – ‘кров, приют, пристанище’), др.-исл. *skaun*, жен. р. (< *skaunn*, муж. р.) ‘щит’ (ROKORNY 1969: 951).² О. Н. Трубачев относит сюда слав. **хунити* ‘обманывать, притворяться; хулить, осуждать’ (ЭССЯ 8: 157–158).

Подобная номинация хорошо известна в этнонимии. Ср. лат.-герм. *Burgundiones*, *Burgundii* < *burg* ‘город’. Этноним *когурё*, давший название Корею, возводят к древнему корню *кор*, первоначально означавшему ‘пещера, укрытие’, позднее ‘крепость, город’ (ДЖАРЫЛСАГИНОВА 1970: 83). Л. С. Толстова указывает на одно из древнейших родоплеменных названий каракалпаков и узбеков – *митан*, которое восходит к термину, имевшему в древности значение ‘жилище, дом, обитель’ (АГЕЕВА 1990: 78). Приведенные примеры со всей очевидностью показывают, что данный мотив номинации в этнонимии имеет универсальный характер.

На балтийской почве основа **skū-n-* засвидетельствована в топониме *Skungirren* в Восточной Пруссии, близ нынешнего г. Черняховск Калининградской обл. (SGKP 10: 737); вторая часть названия соотносится с прус. {**gir-*}, *-girrien* (см. Топоров 1979: 242, 247). Широко представлена эта основа в топонимии германских языков начиная со средневековья: ср. др.-исл. *Skaun*, названия двух мест (в Грандхейме и на востоке Норвегии) в «Круге Земном» Снорри Стурлусона (XIII в.) (СНОРРИ 1980: 45, 99, 186, 197, 255); шв. *Skundern*, озеро в провинции Сёдерманланд (детерминатив *dern* встречается во многих сложных топонимах: *Stora Vädern*, *Holdern*, *Dundern*, *Åländern*, *Andern* и др.); нем. *Scheun/leck*, *-en*, *-enhof*, *-enwerder*, *-nöd*, *-stelle*; нид. *Schuinesloot* (<http://geonames.nga.mil>). Как свидетельствует языковая принадлежность приведенных примеров, основа **skū-n-* вошла в репертуар германских топонимических основ в весьма раннюю эпоху, в II–I вв. до н. э. (т. е. после обособления восточногерманских диалектов, т. к. она неизвестна в готском) и V в. н. э. (до обособления скандинавских диалектов от континентальных, поскольку **skū-n-* представлена, с одной стороны, в древнеисландском и шведском, а с другой – в немецком и нидерландском). Топонимическая функция этой основы хорошо согласуется с тем, что для многих этнонимов с суффиксом *-aval-iva* предполагается топонимическое происхождение.

Трудно судить о том, где находилась территория расселения *хиновы*. Историческая наука признает наличие в интересующее нас время в Верхнем Поднепрорье и Поочье (т. е. на территориях, непосредственно граничивших

² Существуют и попытки других этимологических решений. М. Майрхофер относит др.-инд. слово к греч. *σκῆτος*, лат. *cutis*, д.-в.-н. *hūt* ‘кожа’ и далее к корню со значением ‘рвать, сдирать’ (МАЙРХОФЕР 3: 508). Я. де Фрис возводит др.-исл. *skaun* к и.-е. **sek-* : **sk-* ‘резать, колоть’ (ср. рус. *сечь*) (VRIES 2000: 465, 487). Обе эти этимологии представляются гораздо менее удачными с точки зрения фонетико-морфологического и семантического соответствия.

с севера с владениями Игоря и Всеволода) остатков балтийского населения: «Днепровские балты заселяли области Верхнего Поднепровья со смежными территориями Западно-Двинского и Окского бассейнов. Племенные названия их в основном неизвестны, исключение составляет голядь... Ассимиляционный процесс продолжался до XII–XIII вв. При этом какое-то время среди основной массы славянского населения сохранялись небольшие островки балтов» (Седов 1987: 7). Надежное выявление топонимических следов проживания *хиновы* невозможно в силу отмеченной выше омонимии (или родства) основы этого этнонима со слав. *хун-, однако примечательно, что немногочисленные восточнославянские гидронимы с этой основой сосредоточены исключительно в Верхнем Поднепровье и прилегающей к нему территории западного Поочья, т. е. в пределах области расселения днепровских балтов: *Хинель*, левый приток Десны, Днепра, Сумская обл.; *Хинівка*, левый приток Днепра, Житомирская обл. (СГУ 1979: 589); *Хинка/Химка*, левый приток Москвы; *Хининь/Хинино*, по правую сторону от Оки, близ устья Осетра; *Хинской*, по правую сторону от реки Осетр (Смолицкая 1976: 107, 159, 160).

Литература

- АБАЕВ = АБАЕВ В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 1–4. Москва–Ленинград, 1958–1989.
- АБАЕВ 1949 = АБАЕВ В. И. Происхождение древнерусского *Хорс* и сванского *Džgə-rāg*. В кн.: АБАЕВ В. И. *Осетинский язык и фольклор* 1. Москва–Ленинград, 1949. 595–596.
- АГЕЕВА 1990 = АГЕЕВА Р. А. *Страны и народы. Происхождение названий*. Москва, 1990.
- АНИЧКОВ 1914 = АНИЧКОВ Е. В. *Язычество и Древняя Русь*. Санкт-Петербург, 1914.
- БОРХЕС 1992 = БОРХЕС Х. Л. Четыре цикла. В кн.: БОРХЕС Х. Л. *Коллекция*. Санкт-Петербург, 1992. 84–85.
- ВИНОГРАДОВА = ВИНОГРАДОВА В. Л. (сост.) *Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»*. Вып. 1–6. Ленинград, 1965–1984. <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/0.htm>.
- ВИТЧАК 1994 = ВИТЧАК К. Т. Из исследований праславянской религии. 1: новгородское *Ръгль* и ведийское *Rudra*. В кн.: ТРУБАЧЕВ О. Н. (ред.) *Этимология 1991–1993*. Москва, 1994. 23–31.
- ДЖАРЫЛСАГИНОВА 1970 = ДЖАРЫЛСАГИНОВА Р. Ш. Этноним *когурё*. В кн.: НИКОНОВ В. А. (ред.) *Этнонимы*. Москва, 1970. 78–86.
- ЗАЛИЗНЯК 1962 = ЗАЛИЗНЯК А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода. В кн.: ТОПОРОВ В. Н. (ред.) *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 6. Москва, 1962. 28–45.
- ИВАНОВ–ТОПОРОВ 1994 = ИВАНОВ Вяч. Вс., ТОПОРОВ В. Н. Семаргл. В кн.: ТОКАРЕВ С. А. (ред.) *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 2. Москва–Минск–Смоленск, 1994. 424–425.
- ИСАЕВ 1999 = ИСАЕВ М. И. Осетинский язык. В кн.: ЯРЦЕВА В. Н. (ред.) *Языки мира. Иранские языки 3. Восточноиранские языки*. Москва, 1999. 311–323.
- ЛЕЛЕКОВ 1994 = ЛЕЛЕКОВ Л. А. Симург. В кн.: ТОКАРЕВ С. А. (ред.) *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 2. Москва–Минск–Смоленск, 1994. 436–437.

- Нарты 1989 = *Нарты. Осетинский героический эпос*. Кн. 2. Москва, 1989.
- ОТРЕМБСКИЙ 1963 = ОТРЕМБСКИЙ Я. С. *Dainavà* – название одного из ятвяжских племен. В кн.: ТОПОРОВ В. Н. (ред.) *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 7. Москва, 1963. 3–6.
- ПВЛ = *Повесть временных лет*. Ч. 1–2. Москва–Ленинград, 1950.
- РАСТОРГУЕВА 1979 = РАСТОРГУЕВА В. С. (ред.) *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. Москва, 1979.
- СГУ 1979 = ЦІЛУЙКО К. К. (ред.) *Словник гідронімів України*. Київ, 1979.
- СЕДОВ 1987 = СЕДОВ В. В. (ред.) *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Москва, 1987.
- Слово 1950 = *Слово о полку Игореве*. Москва, 1950.
- СНОРРИ 1980 = СНОРРИ СТУРЛУСОН: *Круг Земной*. Москва, 1980.
- СОБОЛЕВСКИЙ 1907 = СОБОЛЕВСКИЙ А. И. *Лекции по истории русского языка*. Москва, 1907.
- ТАКАЗОВ 2003 = ТАКАЗОВ Ф. *Дигорско-русский словарь*. Владикавказ, 2003.
- ТВОРОГОВ 1995 = ТВОРОГОВ О. В. (ред.) *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*. Т. 1–5. Санкт-Петербург, 1995. <http://feb-sloven.ru/feb/sloven/ес/ес5/ес5-1791.htm>.
- ТОПОРОВ 1979 = ТОПОРОВ В. Н. *Прусский язык. Словарь*. Т. 2. Москва, 1979.
- ТОПОРОВ 1989 = ТОПОРОВ В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре. В кн.: ТОЛСТОЙ Н. И. (ред.) *Славянский и балканский фольклор*. Москва, 1989. 23–60.
- ТОПОРОВ 2006 = ТОПОРОВ В. Н. и др. (ред.) *Языки мира. Балтийские языки*. Москва, 2006.
- ФАСМЕР = ФАСМЕР Макс: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Санкт-Петербург, 1986–1987.
- ЭДЕЛЬМАН 2002 = ЭДЕЛЬМАН Д. И. *Иранские и славянские языки. Исторические отношения*. Москва, 2002.
- ЭСИЯ = РАСТОРГУЕВА В. С., ЭДЕЛЬМАН Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 3. Москва, 2007.
- ЭССЯ = ТРУБАЧЕВ О. Н. (ред.) *Этимологический словарь славянских языков*. Москва, 1974–.
- ЮЮКИН 2003 = ЮЮКИН М. А. *Древнерусская ойконимия IX–XIII вв.* Воронеж, 2003.
- ЮЮКИН 2015 = ЮЮКИН М. А. К этимологии некоторых древнерусских летописных топонимов XII–XVI вв. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej* [в печати].
- BARTHOLOMAE 1904 = BARTHOLOMAE Ch. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904.
- JUSTI 1895 = JUSTI F. *Iranisches Namenbuch*. Marburg, 1895.
- LIDDELL–SCOTT 1940 = LIDDELL H. G., SCOTT R. *A Greek–English Lexicon*. Revised and augmented throughout by H. S. Jones. Oxford: Clarendon Press, 1940. <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0057>.
- MAYRHOFER = MAYRHOFER M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altiranischen*. Bd. 1–4. Heidelberg, 1956–1980.
- POKORNY 1969 = POKORNY J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 3. Bern–München, 1969.
- SGKP = *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*. Т. 1–15. Warszawa, 1880–1902.
- VRIES 2000 = VRIES J. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden–Boston–Köln, 2000.